

ЭКЗОТИЗАЦИЯ И «ОБРАЗ ВРАГА»: СИНДРОМ «ЖЕЛТОЙ ОПАСНОСТИ» В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В.И. Дятлов

Иркутский государственный
университет

dyatlov@irk.ru

На примере российского варианта общемирового синдрома «желтой опасности», сформировавшегося на рубеже XIX–XX вв., рассматривается один из механизмов формирования «образа врага». Российский вариант синдрома, вобрав в себя расовый дискурс, внес много собственного, оригинального. Он имел сложную внутреннюю структуру – от вполне рационального анализа рисков от экспансионизма Японии, соседства с Китаем и зависимости от китайских мигрантов до эсхатологических построений и образов «Панмонголизма» Владимира Соловьева и «Скифов» Александра Блока. «Враг» и его образ являются сердцевиной любого ксенофобского комплекса. Здесь он формируется путем экзотизации стран и народов Восточной Азии. Экзотизация, т. е. подчеркивание «причудливых, необычных особенностей», становилась механизмом конструирования различий, придания им самодовлеющего значения. В сочетании с расовым подходом это вело к дегуманизации и демонизации тех, кого привычно называли «желтыми». «Краеугольным камнем» конструкции синдрома «желтой опасности» становился тезис о тотальной, природной несовместимости «желтой» и «белой» рас.

Ключевые слова: экзотизация, «желтая опасность», позднеимперская Россия, дегуманизация, ксенофобия, «образ врага», расовая теория.

EXOTIZATION AND “THE ENEMY IMAGE”: THE SYNDROME OF “YELLOW PERIL” IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

V.I. Dyatlov

Irkutsk State University

dyatlov@irk.ru

Taking the example of the Russian version of the worldwide syndrome “yellow peril”, formed in the late XIX – early XX centuries, one of the mechanisms of the formation of the “enemy image” is considered. The Russian version of this syndrome, which has absorbed racial discourse, has created a lot of its own, quite original themes. It formed a complex internal structure – from rational analysis of the risk of Japanese expansionism, neighboring with China and dependence on Chinese migrants to the eschatological constructions and images like “Pan-Mongolism” by Vladimir Solovyov and “Scythians” by Alexander Block. The “enemy” and its image form the heart of any xenophobic complex. Here it is formed by the “exotization” of countries and peoples of East Asia. Exotization, i. e. underlining of “quaint, unusual features”, became a mechanism of designing differences and giving them a self-sufficient value. Combined with the racial approach this lead to the dehumanization and demonization of those who habitually were

called “yellow”. The “Cornerstone” design of the syndrome of “yellow peril” was the thesis of the total, natural incompatibility of “yellow” and “white” races.

Key words: exotization, the “yellow peril”, Late-Imperial Russia, dehumanization, xenophobia, the “image of the enemy”, racial theory.

Вторая половина XIX в. стала периодом формирования и массового распространения целого ряда общемировых ксенофобий. В большинстве из них в качестве объекта страха и ненависти выступали этнические, религиозные или расовые группы. Почетное место в этом ряду занимает синдром «желтой опасности» («yellow peril»). Основными очагами генерирования и дальнейшего распространения синдрома были США, Германия и Россия [10].

В основе любой ксенофобии лежит представление о существовании не просто «иног» или даже «чужого», но такого «чужого», который представляет угрозу, иногда угрозу смертельную, для самого существования носителя такого представления, для его группы, его мира, для всего, что является для него важным и священным.

Во многих случаях идеи о враждебном «чужом» базировались на расовых теориях. Они исходили из презумпции природной, органической принадлежности человека к «расе», где биологические характеристики предопределяют интеллектуальные, моральные и духовные. Для рассматриваемой эпохи подобные идеи считались вполне научными и респектабельными.

В рамках такого взгляда на мир «краеугольным камнем» конструкции синдрома «желтой опасности» становился тезис о тотальной, природной несовместимости «желтой» и «белой» рас [60]. Несовместимости настолько глобальной, что это не предполагало возможности даже относительно мирного сосуществования. Расовые отличия виделись настолько велики-

ми, что ставили под вопрос принадлежность к единой человеческой общности. А коль скоро синдром возник в европейском мире (в широком смысле), среди «белых», то и базируется он на представлении о том, что только «белая раса» является аутентично человеческой. Все остальные находятся за этими рамками. Несовместимость рас – это достаточное основание для их непримиримой борьбы за выживание. «Война миров» – как это было замечательно зафиксировано у такого чуткого к социальным процессам и переменам беллетриста, как Герберт Уэллс. Марсиане в его романе являются символом абсолютной чужеродности, предельной *не-человечности* разумных существ [54, т. 2].

Принципиально важно то, что в позднимперской России представители многочисленных народов Восточной Азии часто и привычно определялись через слово «желтые». Оно активно использовалось в обыденной речи (от просторечия до языка образованных слоев), в публичном дискурсе, в языке прессы и публицистики, в научных исследованиях, в официальном бюрократическом языке (вплоть до важнейших государственных документов). И хотя одновременно употреблялись собственные названия народов (китайцы, корейцы, японцы, монголы и т. д.), но в целом они сливались в единую, огромную, нерасчлененную массу «желтых».

Можно предположить, что одним из механизмов дегуманизации «желтых» была экзотизация дальневосточных народов, культур и цивилизаций, сравнительно не-

давно ставших предметом пристального интереса европейцев. Набор их экзотических характеристик представал настолько всеобъемлющим, что это вообще исключало их из человеческого сообщества. Соответственно, взаимоотношения между ними не могли строиться на базе общих норм человеческих морали и законов.

Эту гипотезу я попытаюсь проверить на материале синдрома «желтой опасности» в позднеимперской России, эмоционально чрезвычайно насыщенного, многослойного, включающего как сложные интеллектуальные построения, так и примитивные (и потому массовые и действенные), не нуждающиеся во внутренней логике и доказательствах постулаты.

Работа базируется на анализе письменных текстов и потому не может адекватно отразить настроений, стереотипов и комплексов тех многочисленных слоев российского населения, которые жили вне рамок письменной культуры. Однако бурные процессы формирования массового общества, городского и по преимуществу образованного, а значит, и массовой культуры вели к постепенному преодолению культурной границы, к трансляции вырабатывающихся массовой культурой слов, образов, контекстов в слои необразованные.

Немного об экзотизации и экзотике

Теперь немного об авторском понимании экзотизации. Это важно в силу новизны и слабой распространенности слова. Вряд ли оно стало научным термином, относительно понимания которого сложились и приняты некие конвенции. Интенсивная работа в этом направлении идет [61], но пока это скорее описательное средство, метафора. Это слово не попало и в словари русского языка хотя бы в качестве произво-

дного от привычного и распространенного слова «экзотика».

«Экзотика. Причудливые, необычайные особенности (природы, обычаев, искусства и т. д.) отдаленных малоизвестных стран». **«Экзотика** [греч. *exotikos* – чуждый, иноземный] – предметы, явления, черты чего-л., свойственные отдаленным, напр. восточным, южным странам, районам и представляющиеся людям других стран причудливыми, необычными; *нечто причудливое, необычное» [42, т. 4, с. 748; 41, с. 586].

На примере увлечения европейцев «китайскостью» и «японскостью» размышляет о природе экзотического В.В. Малявин: «Образ Китая в “эпоху Просвещения” был чем-то значительно большим, чем повод к философским или политическим спорам. Он был повсеместно признанной модой, органической частью некоего целостного взгляда на жизнь и даже, если угодно, художественным стилем, в которых отразились существеннейшие черты европейского мирозерцания той эпохи. При этом симпатии европейцев к Китаю вовсе не означали умаления европейской культуры. Напротив, новый образ Китая, как мы уже знаем, не отрицал, а по своему удостоверял достижения европейской мысли, и в первую очередь главнейшее из них – открытие полной самостоятельности разума. Но всякое усилие осознания, всякое умозрение предполагает способность отвлечься от всего частного и преходящего в нашей жизни, отстраниться от самого предмета размышлений. Китай и был таким предметом дружелюбно-отстраненного рассмотрения, располагавшимся в удобном удалении от наблюдателя. И недаром любители Китая предпочитали посещать эту страну в своих мечтах; никто из них, кажется, и в мыс-

лях не держал отправиться туда наяву» [21, с. 214–216].

«Обращение к разуму как к верховному началу человеческой природы внушило европейцам новое чувство дистанции по отношению к окружающему миру, поставило в центр европейской культуры эстетическое отношение к жизни. Европа нуждалась в таких образах для созерцания, которые, будучи отстраненными, недостижимыми, вообще «чужими», могли бы в то же время удостоверить торжество разумной воли в человеческом бытии. Впервые провозгласив самодостаточность эстетического начала в духовной жизни человека, век Просвещения [...] впервые открыл и неизвестную ранее истории область экзотического. Ибо что такое экзотика, как не явление чего-то знакомого и привычного в незнакомом и непривычном обличье? Экзотическое – это мир, вывернутый наизнанку и все же легко узнаваемый, игровой мир, остающийся подвластным человеку, поскольку он сам устанавливает его правила. Это именно мир грез, знаменующий выпадение из действительности, но выпадение неизбежно временное, ибо всякой игре рано или поздно приходит конец» [Там же, с. 220].

Экзотика – это «чужое», интересное и важное именно в качестве чужого, отличного от своего. Но это освоенное, можно сказать, присвоенное – «чужое». «Чужое», пропущенное через себя, через свое мироощущение. Важное для более глубокого и тонкого понимания своего, вообще для решения собственных проблем. Экзотика – это включение «чужого» в собственный мир, его присвоение через процедуру отбора, адаптации, переосмысления. «Чужое» может быть представлено широким диапазоном феноменов – от художественного стиля (шинуазери) до социальной философии

(«недвижный Китай») и идеологием («желтая опасность»). Но в любом случае – чужое обслуживает интересы собственного мира, выполняя в нем важную функцию.

Функция может быть разной. Мода, формирующая художественный стиль. Эстетический вызов, позволяющий через контраст острее пережить свое, привычное. Предмет любования и интереса. На этом базируется туризм – прибыльная и высоко-развитая отрасль экономики, специализирующаяся на производстве и продаже экзотики. Может удовлетворяться и потребность в объекте страха и отторжения. Это чрезвычайно востребованный продукт. Тогда экзотика может рассматриваться и как проявление абсолютной и потому враждебной, исключающей «наше» материи.

«Экзотизация» подразумевает действие, его объект и субъект. Некто или нечто подвергается процедуре экзотизации, т. е. выделения и пристального рассмотрения, подчеркивания «причудливых, необычных особенностей». Это нормальная, стандартная процедура начала знакомства с новым, неизвестным объектом. Естественным образом в нем сразу бросаются в глаза странности, отличия – экзотизмы. То, что непохоже на свое, родное, привычное, в общем – нормальное. Как вариант – происходит любование особостью. Но экзотизация может стать механизмом и процессом поиска, конструирования, подчеркивания различий, придания им самодовлеющего значения. Даже при нейтральной или позитивной коннотации – это механизм отстранения и остранения. Через подчеркивание, гипертрофию отличного, иного это может вести к его абсолютному выделению и к дегуманизации. Экзотизация – это не обязательно исключение – но такая возможность заложена в ней изначально.

«Желтая опасность»: российская версия общемировой ксенофобии

Ксенофобии – неотъемлемая и важнейшая часть общественной жизни. Без «чужого», без «врага» трудно осознать, оценить себя, выявить и консолидировать «своих». Уникальность ситуации рубежа XIX–XX вв. состояла не в самом существовании ксенофобий, а в общемировом характере и массовости некоторых их версий. Стремительный переход от сословного общества к массовому диктовал необходимость перехода от партикулярных врагов, страхов и фобий к консолидирующему коллективному, общезначимому врагу. Возник феномен «великих ксенофобий» – великих в смысле их общемирового характера, глубины воздействия на огромные человеческие массы в качестве регулятора их поведения и умонастроений. Я разделяю мнение Л. Гудкова о том, что возникновение массовых фобий, «появление и выработка символических «врагов» становятся формой партикуляристской реакции на процессы массовизации, вызванные модернизационными изменениями в традиционных обществах». Враг становится необходимым инструментом консолидации возникшего в результате разрушения сословного порядка «принципиально нового социального состояния – слабо управляемой плазмы массового ресантимента и возмущения...» [8, с. 17, 19].

И если антисемитизм, страх перед «сионскими мудрецами», плетущими «мировой еврейский заговор», при всей своей содержательной и функциональной новизне опирался на многовековую традиционалистскую основу, то синдром «желтой опасности» стал явлением совершенно новым. Возникнув в середине XIX в., он стремительно распространился практически по всему европейскому миру. А через контакты с миром

не европейским – распространялся и дальше. Он становился предметом рефлексии в формирующемся массовом обществе Японии, например [27]. Наоко Шимацу отмечает феномен соотнесения «расы с цивилизацией», применение «принципа «цвета» (в западном понимании), чтобы отличить цивилизованных от варваров». Он приводит две крайние позиции в рамках такого мировидения: от отрицания своей «желтизны» до упования ею. «Японцы – вовсе не “желтая угроза”. У японцев белое сердце под желтой кожей. “Желтая угроза” – русские: у них желтое сердце под белой кожей». «Вот и наступила эра расовой войны! Война между Россией и Японией – первый шаг в битве между арийской и желтой расами» [58, с. 70–71].

Объектом пристального внимания, вражды и страха народы Восточной Азии стали по ряду обстоятельств. Они вошли в мировую систему международных отношений в качестве важной и неотъемлемой части. Под воздействием модернизационных процессов росла их геополитическая роль. Следствием стало нарастание опасений, а потом и страхов по поводу растущих мощи и амбиций Японии и перспективы того, что «Китай проснется». Трудовые миграции китайцев в страны европейского мира вели к массовым и обыденным контактам. И контакты эти оказались чрезвычайно конфликтными. Антикитайские настроения становились частью массового сознания, массовой культуры и идеологии.

Эти настроения обрели слова, образы и объяснения в расовой теории, которая рассматривалась как последнее достижение научной мысли и была вполне уважаемой. Массовые антикитайские настроения, геополитические страхи и устремления и расовая теория, соединившись, породили синдром «желтой опасности». «Желтые» в

этой системе взглядов выглядели наиболее опасной расой, реальной угрозой для расы «белой». За нею виделись огромная и мобилизованная численность, мощь древней китайской империи и цивилизации, растущая сила и амбиции модернизирующейся Японии. Модернизация позволяла «желтым» присвоить и использовать научно-технические, экономические и военные достижения европейской цивилизации для непримиримой борьбы с нею же. Неизбежность борьбы на взаимное уничтожение выводилась из принципиальной несовместимости рас, невозможности взаимного понимания и компромисса.

Россия не осталась в стороне от этих представлений. Она уже находилась в общеевропейском информационном пространстве. Синдром «желтой опасности», в его европейском и американском вариантах, внимательно изучался и комментировался. Переводились и издавались статьи и брошюры – как научные, так и публицистические [40, 25]. Популярный очерк А. Столповской содержит большой и информативный раздел о китайской миграции в страны европейского мира, о сопутствующих этому конфликтах и массовых антикитайских настроениях [46]. Книга В.В. Граве начинается с отсылки к международному опыту: «Сравнение истории Приамурского края с историей Америки, колоний Англии, Голландии, Португалии др. указывает на то, что в настоящее время мы переживаем наблюдавшийся уже в этих странах тот фазис отношения к желтому вопросу, когда заботы о выработке законоположений для борьбы с наплывом к нам желтой расы заменили безразличное отношение местной администрации» [7, с. 1].

Массой комментариев сопровождалось высказывания Вильгельма II о «желтой

опасности» (с его легкой руки этот термин и вошел в широкий оборот) и его символический дар Николаю II. По заказу и замыслу кайзера в 1898 г. был создан рисунок, где «группа женщин, изображавших главные европейские нации, с ужасом видят поднимающийся с востока страшный образ Будды, на который указывает им ангел, стоящий на вершине горы с мечом в руке; под рисунком помещены слова: “Народы Европы, защищайте свои самые священные блага”». Рисунок был подарен Николаю II с припиской: «Я прошу тебя благосклонно принять набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке» [39; 35, с. 8–10, 42, 43, 48; 4, с. 38, 39].

Внешнее влияние не стоит игнорировать или недооценивать – как это невольно получилось в отечественной книге Т.А. Филипповой (Филиппова Т.А., 2012). Однако российский синдром «желтой опасности» вырос на собственной почве национализирующейся империи. В процессе разложения сословных отношений и формирования массового общества уже явно недоставало консолидирующей и мобилизующей роли таких классических инструментов, как антисемитизм и полонофобия. «Враг с Востока» [55] заполнял очень важную нишу.

Росту страхов перед «желтой расой» способствовала и геополитическая ситуация. Присоединив Дальний Восток, Россия обрела тесное соседство двух империй, гигантскую и беспокойную границу с ними. По замечательной метафоре Акихиро Ивасита, «4000 километров проблем» (Ивасита А., 2006). Тяжелое ощущение напряженности и неуверенности создавал соседний Китай. Здесь у властей и общества причуд-

ливо перемешивались различные настроения: от стремления к новым территориальным приобретениям за его счет до ужаса от перспективы его «пробуждения». Эта гремучая смесь высокомерного пренебрежения, подспудной неуверенности и страха стала одной из причин массовой расправы над китайцами в Благовещенске в 1900 году, когда к этому пограничному городу вплотную подкатилась стихийная волна антииностранного восстания боксеров (ихэтуаней) [См.: 11; 43; 12]. Проигранная Русско-японская война добавила к этому острое чувство национального унижения.

Только что присоединенный и практически не освоенный Дальний Восток заставлял постоянно тревожиться о слабости контроля над ним, создавал ощущение временности присутствия там, возможности потери этой «далекой окраины». Эта слабость спровоцировала планы экспансии в Китай в качестве меры активной обороны, для захвата и оформления удобных для защиты границ. Такова была, например, позиция военного министра А.Н. Куропаткина [18, с. 195].

Совершенно новым явлением стали массовые трудовые миграции на Дальний Восток – постоянные и безвозвратные у корейцев и временные, сезонные – у куда более многочисленных китайцев. И дело было не только в огромных масштабах и слабой подконтрольности процесса со стороны властей. Настораживала и даже пугала отчетливо осознаваемая полная зависимость существования региона от труда мигрантов. Массовые повседневные человеческие контакты, общение становились обыденностью, нормой. Это имело противоречивые последствия. С учетом опыта колонизации Сибири, включения аборигенных народов в категорию «мь» (пусть и не полностью)

открывалась возможность трансформации, переформатирования конструкции «мы – они». Преобладала, однако, противоположная тенденция – массовое повседневное общение вело к увеличению отчуждения и дистанции. Культурная чужеродность китайских мигрантов, их замкнутость, минимальное стремление к интеграции, временный характер пребывания, осознание полной экономической зависимости от их труда, ощущение присутствия за их спиной хоть и «спящего», но великого Китая – все это не способствовало их интеграции и не формировало добрых чувств у малочисленного российского населения региона. Возрастало значение конкуренции на формирующемся рынке труда, свидетельством чего были регулярные сообщения о стычках и массовых драках китайцев и русских рабочих [31, с. 65, 109; 16, с. 23].

Комплексы настороженности, страхов, опасений, высокомерия и неуверенности, существовавшие в массовых настроениях, нуждались в оформлении, в вербализации. Требовались слова, образы, яркие и понятные метафоры. Все это можно было найти во входящей в моду расовой теории. Из научной гипотезы она превратилась в идеологию – и в таком виде пришла в Россию. Исследователи отмечают меньшую, чем в Европе и США, долю расового компонента в общей структуре ксенофобских комплексов¹. Но именно расовые представления легли в основу стремительно набиравшего силу комплекса «Врага с Востока», не случайно названного «желтой опасностью».

Типичны слова профессора-антрополога, видного теоретика русского национализма А.И. Сикорского: «В современной русско-японской войне мы имеем дело с со-

¹ О формировании, структуре и роли расового дискурса в России см.: [28; 50; 57].

бытиями и условиями, совершенно отличными от тех, с какими европейские народы привыкли иметь дело. Мы встречаемся здесь с расовой борьбой, но не в обычном вульгарном значении этих слов, а в совершенно ином смысле. Мы стоим в настоящую минуту лицом к лицу с крупным биологическим событием, которое выяснилось и поднялось во всей своей жизненной силе...»².

Огромную жизненную энергию придавало формирующемуся синдрому подключение ресурсов отечественного концепта «монгольского ига». Он уже господствовал в историческом сознании, вошел в школьные и университетские учебники, его основные положения казались настолько очевидными, что выглядели уже трюизмами. Метафора «нового монгольского нашествия», «панмонголизма» создавала огромный кумулятивный эффект, ведь с XIX в. и по настоящее время в массовом сознании, официальной идеологии, школьных учебных программах господствует представление о том, что «иго» было самой страшной катастрофой в истории страны. Такое понимание «панмонголизма» совсем не имело в виду реальных монголов того времени. Мистические «монголь» «панмонголизма» выступают символом «желтизны», «нашествия», «ига». Это сливается в inferнальный страх «войны миров». Выдающийся образец этого дают знаменитые работы В.С. Соловьева «Панмонголизм» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце человеческой истории». По жанру это скорее пророчества о «предстоящем страшном столкновении двух миров», «о панмонголизме и азиатском нашествии на Европу» [45, с. 233; 44].

Влияние подобных представлений и образов было столь велико, что и вполне раци-

ональный анализ рисков, реальных и потенциальных опасностей и проблем, вытекающих из новой геополитической и миграционной ситуации, наполнялся их идеологией или формулировался в их категориальном аппарате. Потребности управления Дальним Востоком, задачи его удержания, освоения и колонизации, теснейшая вовлеченность в международные отношения в регионе, экспедиция 1900 года в Китай и война с Японией – все это делало насущной потребностью изучение реальных проблем региона. Этим занимались гражданские и военные чиновники (столичные и колониальные), ученые, путешественники, публицисты. Иногда один человек мог выступать в нескольких из этих ролей. И здесь сразу вспоминается В.К. Арсеньев – всемирно известный путешественник, ученый, писатель, кадровый военный [56]. Зачастую это были выдающиеся знатоки местных реалий, глубокие и тонкие аналитики, хорошие стилисты. Обычная образованная публика также неплохо разбиралась в узлах международных отношений на Дальнем Востоке и не путала Китай и китайцев с Японией и японцами. Задолго до появления имагологии в качестве отдельной науки изучались образы китайцев, японцев, даже в массовой прессе существовал отдельный образ корейца.

Но даже во вполне профессиональных исследовательских работах и в ведомственной аналитике широко и привычно использовалась терминология и образы синдрома «желтой опасности». Чиновник Переселенческого управления из Владивостока А. Панов, давая глубокий и трезвый анализ состояния рынка труда в связи с китайской миграцией, делал далеко идущий вывод о том, что «китайский поток вовсе не имеет того стихийного характера, который ему обычно придается. Это

² Цит. по: [28, с. 215]. Подробнее об А.И. Спирском см. там же. С. 253–278.

не то несокрушимое стремление, с которым движется глетчер, оползающая гора, морское течение или поток лавы и с которым воля человеческая не в силах бороться. Это самое естественное экономическое явление, регулируемое, как и всякое другое, спросом и предложением, а стало быть, и бороться с ним возможно и необходимо также на экономической почве – путем изменения условий рабочего рынка» [32, с. 251]. Он очень четко отделяет положение на рынке труда китайцев, корейцев и японцев. И тем не менее в заголовках его статей обыденно употребляются словосочетания «желтый труд», «желтый вопрос» и даже «желтое засилье», с которыми он привычно призывает бороться [31; 33; 34].

Таким образом, российский вариант синдрома «желтой опасности», вобрав в себя расовый дискурс, внес много собственного, оригинального. Он имел очень сложную внутреннюю структуру – от вполне рационального анализа рисков от экспансионизма Японии, соседства с Китаем и зависимости от китайских мигрантов до эсхатологических построений и образов «Панмонголизма» Владимира Соловьева и «Скифов» Александра Блока.

Экзотизация «желтых» российского Дальнего Востока

Ксенофобия базируется на максимально глубоком отторжении от того субъекта, который признан «чужим». Чем выше степень отчуждения – тем больше градус страха и ненависти. Самый крайний вариант «чужого» – не человек, а существо, даже если это существо разумное, обладающее высоким интеллектом, огромными знаниями и способностями в их применении. Пример высочайшего интеллекта при не-

человеческой, непостижимой логике и морали – марсианин у Г. Уэллса. Очень показательным, кстати, что метафора «инопланетянин» встречается уже в российской публицистике начала века³.

В этом контексте решающее значение имеет работа по дегуманизации, обезличиванию «чужого». Если «чужой» – не человек, то к нему неприменима человеческая мораль, нормы поведения, заповеди. Условно говоря, если «чужой» – это муравей или саранча⁴, пусть даже и сверхразумные, то их уничтожение – не есть убийство. Оно оправдано и необходимо, ибо и опасность в них таится также не человеческая, а запредельная, трансцендентная.

Одним из способов дегуманизации «врага» стала экзотизация. В российском обществе и раньше было увлечение восточной экзотикой, «*китайскостями*» и «*японскостями*», мода на которые шла из Европы [22; 29]. Конструировалась абстрактная модель неподвижного, застойного Китая, где отсутствуют свобода, закон и само понятие личности [Подробнее см.: 20; 22]. По словам А.М. Позднеева, «что касается самого Китая, то вопрос о нем все еще мало интересует европейцев и как будто представляется уже решенным. Китай – страна восточного застоя, замкнутости, страна, вообще враждебная к иностранцам – по своим традициям, своей косности, своим предрассудкам и своей отсталости. Китай – это совершенная противоположность Европе, которая есть выражение движения и прогресса. Китай замкнулся в себе и уединился от прочего человечества с своей полудикой культурой – Европа идет с девизом высокой ци-

³ «И вся эта одношерстная толпа имела вид людей совсем с иной планеты» [2, с. 128].

⁴ «Китайцы – это тьма непросветная, гнус, саранча» – цитирует публицист «Современника» амурского крестьянина-старожила [2, с. 132].

визованности к объединению народов, ей суждено внести эту цивилизацию и в самый Китай – обновить его жизнь» [36, с. 5].

Модель эта применялась скорее как интеллектуальный инструмент для понимания и оценки собственных проблем, а не реального Китая. «Разумнее предположить, – пишет В.В. Малявин, – что миф о “желтой угрозе”, как всякое упоение экзотикой, высвобождал в европейцах какие-то инстинктивные страхи и запретные желания [...] Это чисто современный страх дегуманизации жизни, “расчеловечивания” человека, когда личность низводится до винтика экономических и государственных “механизмов”, растворится в скотоподобной массе» [22, с. 158]. И здесь трудно говорить о китаефобии. Пока китаец был «созданием с узкими глазами, которых рисуют на чайных ящичках» [14, с. 163], вся эта экзотика воспринималась вполне отстраненно и нейтрально.

Экзотизация становится инструментом дегуманизации с появлением острой потребности в синдроме «желтой опасности». Его несущей конструкцией стало расовое понимание характера отношений между людьми и группами людей. Представление об органической принадлежности к расе, о цвете кожи и прочих фенотипических признаках как показателях уровня интеллекта и человеческой морали. Выстраивалась логическая цепочка: иная раса – другие люди – не люди вообще.

Известный и плодовитый публицист, многолетний обозреватель «Нового времени» М.О. Меньшиков неоднократно возвращался к мысли о том, что «расы», к которым он относил среди других и китайцев с евреями, настолько несовместимы друг с другом на биологическом уровне, что испытывают друг к другу инстинктивное «расовое

отвращение». «Негр ненавистен американцу уже тем, что он негр. Китаец противен не чем иным, как лишь своим китаизмом: желтой кожей, косыми глазами, запахом, манерами». «Кроме экономической опасности, господствующие народы чувствуют просто физиологическую опасность покушения на чистоту своей расы, на плоть и кровь свою, понимая, что в особенностях крови все могущество народа. В диких на вид погромах и манифестациях обнаруживается протест естественной чистоты расы против противоестественного смешения их» [26, с. 272–274].

Наиболее ярким проявлением расового подхода, инструментом экзотизации было общепринятое и общераспространенное употребление эпитета «желтый». Его широко и свободно, в качестве нормального и привычного, употребляли в обыденной речи представители и простонародья, и элитных слоев. Им оперируют журналисты, исследователи, ведомственные аналитики, чиновники, высшие администраторы. При этом в слово «желтые» могли закладываться разные смыслы и значения – от подчеркивания расовых коннотаций («желтая раса») до удобного агрегирования совокупности китайцев, корейцев и японцев.

Из Всеподданнейшего отчета приамурского генерал-губернатора: «Много лет покоившаяся на побережьях Тихого океана желтая раса ныне потревожена назойливыми чужеземцами и невольно встрепелась. Перед нею страшная картина совершившегося с Индией, где старинные вельможные роды обратились в нули, а цветущие царства – в вассальные колонии для высасывания из них европейцами лучших жизненных соков. Перед ними предстало надвигающееся европейское владычество. Поднялась голова этой расы, Япония, население

которой по островному своему положению и примеси энергической и интеллигентной малайской крови является мозгом и нервными центрами гигантского туловища – Китая и Кореи. Началась, пока и глухая, борьба пятисотмиллионной желтой расы с европейскими выходцами» [9, с. 167]. Характерно, что перед этим идет тщательный и обстоятельный анализ ситуации с мигрантами в регионе и оцениваются выгоды и риски от присутствия именно китайцев, корейцев и японцев, а не агрегированных «желтых». Геополитический анализ, однако, потребовал иного категориального аппарата.

Вполне осознанно такой подход постулируется в книге В.В. Граве: «При выработке мер для борьбы с наплывом желтой расы в русские пределы и уничтожения их конкуренции с русскими предприятиями необходимо прежде всего определенно выяснить положительные и отрицательные качества отдельных народностей, входящих в состав этой желтой массы, и в связи со значением, которое они имеют на местное население, регулировать отношение государства к ним» [7, с. 234]. И далее автор дает характеристику китайцам: «...Не менее важное значение представляют для страны с точки зрения государственной безопасности присущие этому народу расовые особенности, поскольку таковые влияют на местную жизнь. Они выражаются в свойственном китайцам чувстве дисциплины; в стремлении организовать в отдельные общества или союзы для более успешного достижения намеченных целей; в консерватизме во взгляде на жизнь, на ее обстановку, благодаря которому китайцы не могут привыкнуть к регулирующим русскую жизнь законам и фактически управляются своими начальниками, тайно исполняющими свои обязанности по китайским законам; в пол-

ном равнодушии к смерти, а отсюда – в несоблюдении минимальных требований санитарии и личной гигиены и, наконец, в способности ограничивать до *minimum* а и личные потребности в одежде, пище, жилищах и т. п.» (Там же, с. 103).

В.К. Арсеньев пока анализирует проблемы, трудности, риски, связанные с пребыванием китайцев, анализирует их личные качества – говорит только о китайцах. Но как только дело доходит до общих выводов и рекомендаций, т. е. до политики, – сразу переходит на эпитеты «желтый» и «желтый вопрос» [1].

Генерал-губернатор Приамурского края П.Ф. Унтербергер, опытный колониальный чиновник, заслуженный исследователь и знаток края, уделял огромное внимание ситуации с китайскими и корейскими мигрантами. По его инициативе создан первый проект миграционного законодательства в России. Он употребляет термин «желтые», но как обобщающую категорию для китайцев, корейцев и японцев. Борьба с «желтым трудом» для него – это вполне трезвая стратегия освоения региона, а не трансцендентная проблема «войны миров» [51; 52].

Генерал-губернатор Н.А. Гондатти (1914): «...китайская эмиграция, высасывающая государственные и народные средства, ничего, кроме вреда, не приносит; в силу же того обстоятельства, что к нам стремится из Китая исключительно люд, которому терять решительно нечего и который благодаря чисто своим расовым свойствам и принципам смотрит на многие вопросы совершенно иначе, чем русские и вообще европейцы, они – во время своего пребывания в наших пределах являются элементом высшей степени незаконным...» [6, с. 70].

Военный министр, генерал А.Н. Куропаткин добивался присоединения к России

Северной Маньчжурии для оформления безопасных естественных границ и гарантии удержания Дальнего Востока. Но вводил проект в контекст «желтой опасности» как общемировой угрозы. «Но особенную угрозу для Европы представляет движение против европейцев, начавшееся в Азии. Император Вильгельм II называет это движение “желтой опасностью” и пророчески указывает на серьезность этой опасности. Нельзя действительно не признавать опасности движения против Европы, в котором может принять участие население численностью около восьмисот миллионов душ, с армией в несколько миллионов человек». «Потеря владений в Азии и на других материках, потеря всемирных рынков – составляет такую угрозу самым жизненным интересам Европы, что для отражения опасности все европейские государства... должны объединить свои усилия, чтобы дать отпор силам других рас» [18, с. 253, 254].

О распространенности подобных представлений говорит хотя бы то, что их придерживался выдающийся полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен, человек, чей природный гуманизм реализовался в гигантских по масштабам программах содействия беженцам и перемещенным лицам после Первой мировой войны, помощи голодающим Поволжья. Наблюдая ситуацию с китайскими мигрантами на востоке России, он совершенно органично и естественно рассуждает в категориях расовых различий, противостояния и неизбежной битвы «рас» на взаимное уничтожение [30].

В общем, как писал анонимный журналист, «...взгляды публицистов и ученых на китайскую “желтую опасность” совершенно не сходны между собой в основах. Одни признают эту опасность только в виде мир-

ной, трудовой и всепоглощающей “желтой волны”, другие присоединяют к этому еще возможность беспощадной, за жизнь или смерть, вооруженной борьбы между желтой расой и кавказской, как пророчит это известный китаевед проф. Васильев» [19, с. 78].

Идея «желтой опасности» разделялась в России далеко не всеми. Причем на очень разных основаниях. «Спасая Европу от придуманной и даже нарисованной императором Вильгельмом “желтой опасности”, мы воевали с Японией... и, может быть, будем воевать с Китаем». Так осуждающе пишет убежденный сторонник русского национализма, призывающий бороться с засильем в стране евреев, китайцев, иностранцев. Провозглашая лозунг «Россия для русских», он восхищается японским национализмом и призывает учиться у него [49, с. 16–22].

Социалист С.Н. Тавокин, восхищаясь «великим прогрессом Японии» и ее военными успехами, переводит проблему в плоскость классовой борьбы: «Если же “желтая опасность” и существует, если она и представляет некоторую реальную силу, то угрожает она не человечеству, не культурному миру, а единственно той “белой” буржуазии, которая питалась дальневосточными рынками. Если призрак “желтой опасности” страшен, то не Европе и европейской цивилизации, а исключительно лишь современному капиталистическому строю Старого и Нового Света». В общем, «свет, избавление от ярма капитализма, разрешение социалистического вопроса произойдет с Востока» [48, с. 4, 24, 31].

Однако отрицание «желтой опасности» не сопровождается, как правило, протестом против употребления самого эпитета «желтый» или его игнорированием.

Даже противник расовой теории, политический ссыльный-народник и выдающийся исследователь Сибири Д. Клеменц, принципиально и аргументированно отрицая «желтую опасность», привычно пользуется этой терминологией, даже не зажавывая ее [15].

И только внимательный наблюдатель и тонкий аналитик Д.И. Шрейдер практически не пользуется словом «желтый» и не мыслит в этих категориях. «На манз⁵ да и на всех прочих инородцев, не исключая японцев, занимающих ныне едва ли не первое место на всем азиатском Востоке, европеец – безразлично: на нашей ли далекой окраине, в Индии, на Малайском архипелаге и т. д. – всегда привык смотреть как на людей низшей породы. С ними не сблизятся... обыватели равно не знают их и равно чужды им» [59, с. 82].

Важнейшей, знаковой фигурой англо-американской массовой культуры, *персонифицированным* образом «желтой опасности» в ней был гениальный, но лишенный человеческих чувств доктор Фу Манчу. Через весь XX в. прошел образ этого «*зловещего доктора*», героя серии детективных романов и нескольких фильмов [62] – мистического восточного человека, хитрого, коварного, обладающего невероятным умом и огромной образованностью, получившего европейское образование и знания и потому особенно страшного. Человеческий облик сочетается в нем со сверхинтеллектом, сверхобразованностью при полном отсутствии человеческой морали, этики, всего человеческого. Это абсолютный злодей, стремящийся к уничтожению европейского мира. Он угрожает самим основам существования человека и человечности. Это

⁵ «Манзамп» называли тогда китайцев на российском Дальнем Востоке.

скорее не человек, а существо, но существо индивидуализированное, яркая и уникальная личность.

Такого нет в российской традиции – нет личностей, нет лиц, нет героев и анти-героев. Людей нет вообще – есть масса. Еще с середины XIX в. излюбленной становится метафора «муравьи». О китайских «муравейниках» писал еще А.И. Герцен [5, с. 67, 68]. Этот же образ находим в популярной брошюре, допущенной Ученым комитетом Министерства народного просвещения для народных библиотек всех низших учебных заведений, в народные читальни и для публичных народных чтений: «Путешественники, углубившиеся внутрь страны, все были изумлены несметными массами людей, которые кишмя кишат там везде, точно муравьи в каком-то огромном муравейнике» [38, с. 14].

Подчеркивание *массовидности, стайности*, реализуемое через эпитеты «муравьи», «саранча», «гнус», «толпа», становится важнейшим способом дегуманизации. Господствует отношение к китайцам как к некоей однородной массе, в которой растворялась индивидуальность каждого. Индивид не воспринимается как субъект, а лишь как часть «муравейника».

Пугающую картину рисует публицист «Современника» А. Вережников. «Китайская толпа в синих лохмотьях, с одинаковыми безбородыми, безусыми желтыми лицами, бредет куда глаза глядят. Не сговаривается, не спорит, не противоречит... И нет в ней предводителя, зачинщика, человека выше всей этой толпы на целую голову... В ней нет гордых, смелых, отчаянных голов... Все фигуры в китайской толпе по одному образцу, как фабричное изделие». «Толпа поднялась. Расползлась по косоугру, заполнила пустое пространство и валом

повалила к месту работ». «Но в этом равнодушии, полусне и полудремоте чувствует-ся терпеливое выжидание момента, скрытая настороженность. И кажется, что вот-вот они зашевелиятся все разом, задвигают желтыми белками, поднимутся и пойдут. И будут идти... из десятков вырастая в сотни, из сотен в тысячи... и все будут идти и идти, плодясь и размножаясь» [2, с. 124–130]. Эта талантливая зарисовка пронизана сложным чувством пренебрежения, страха, безразличного отчуждения и немного жалостью. Это отношение не к людям, а к саранче, к инопланетянам – и не случаен пассаж о том, что у них «вид людей совсем с другой планеты». Прямо или косвенно подразумевается здесь и другое измерение: муравьи – возможно, и разумные существа, но не люди. Они руководствуются не человеческой логикой и моралью, поэтому и отношение к ним может строиться вне этого контекста.

Отсюда массовая уверенность, что у них «пар вместо души». По словам Н. Пржевальского, «...наши казаки и солдаты всех инородцев называют не иначе как “тварью”» [37, с. 142]. Молодой офицер А.В. Верещагин, оказавшийся в Благовещенске сразу после того, как в Амуре было утоплено несколько тысяч китайцев, описывает реакцию горожан. Вот один из его очерков. В вечерней мгле пароход, на котором он путешествует по Амуру, приближается к чернеющим на воде предметам. «Китаец, – говорит мне вполголоса старик-лоцман, таким невозмутимым тоном, точно речь шла о какой-либо коряге или колдобине... На морщинистом лице старика, с редкой коричневой бородкой, появляется презрительная улыбка. Она как бы говорила: “Стоит ли обращать внимание на такие пустяки!” Характерна и реакция пассажиров – “когда во всю ширь Амура поплыли утопленники”, “все повы-

лезли из кают – смотреть на такое невиданное зрелище”. Достаточно насмотревшись, все идут обедать» [3].

Талантливый наблюдатель Н. Матвеев писал: «“Ходя”, “китаюза”, “купеза” – такое, как и везде, обращение к ним, обращение насмешливо-нисходительное, большого с малым, взрослого с подростком. Щелкнуть “ходю” в лоб, дернуть его за косу, дать ему “подножку”, хорошего “тумака” – все это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось просто так, любя, шутки ради... Обобрать, ограбить “ходю” среди бела дня, “укокошить” его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, все равно что зарезать барашка, и всякий ответ за него казался сущей бессмыслицей. И если “добрые люди” находили где-нибудь на дороге труп китаюзы, то просто за ноги оттащивали его в сторонку и спускали его в шурф; тем все и кончалось. Ни разборами, ни протоколами, ни всякими там следствиями никто себя не беспокоил. Есть из-за кого...» [23, с. 30].

В образе муравья нет издевки и даже насмешки. Есть отстраненность, спокойная констатация нечеловеческой природы китайцев. А вот образ других «желтых» – японцев – насыщен оскорбительными коннотациями в полной мере. Если китайцы – «муравьи», то японцы – «макаки». Называть их так публично не стеснялся и Николай II. Вокруг этого образа выстраивалась военная пропаганда времен Русско-японской войны⁶.

Об опасности подобного взгляда писал накануне войны бывший Приамурский генерал-губернатор, генерал Д.И. Суботич (1903 г.): «Только теперь (для тех, кто не знал этого раньше) выяснилось, что Япо-

⁶ Подробный анализ см.: Филиппова Т.А. Враг с Востока.

ния населена не “япошками”, а настоящими “японцами”, которые такие же люди, как и мы грешные, и которым “наступать на голову” не следует, ибо, вообще, ни во внешней, ни во внутренней политике это – недопустимо» [47, с. 39].

При всей оскорбительности метафоры «макака» – это уже признание большей, чем у китайцев, близости к человеческой природе, что выражалось и в персонификации образов – предметом насмешек становятся конкретные японские генералы и адмиралы. Отторгается претензия на равенство и включенность. Делается это, как отметил А. Мещеряков, через экзотизацию телесности. Отсюда насмешки по поводу маленького роста, узких глаз и т. д. [27, с. 282–295].

Признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых» («муравьев» – китайцев и «макак» – японцев), их дегуманизация становились естественной и необходимой предпосылкой для демонизации «чужого», для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага.

Мы забыли, пишет известный дальневосточный аналитик, «один весьма важный антропологический закон: скала монгольского племени по своей твердости занимает первое место среди всех народов на нашей планете [...] Они по своей выносливости, плодовитости и нетребовательности представляют из себя почти 400-миллионную массу, *volens-nolens*, но мирно, бескровно поглощают с костями соседние народы [...] Народы Китая – тот биологический вулкан, который, придя в действие, должен, судя по ходу исторической эволюции, задавить все близлежащее» [24, с. 18, 19].

При осмыслении «желтой проблемы» мистический элемент, ощущение грядущей «войны миров» присутствовали почти вез-

де. О ее распространенности, обыденности говорит распространенность подобного сюжета в таком популярном уже в начале XX в. жанре массовой литературы, как фантастика. «Желтые полчища» предстают там как нерасчлененная, не дифференцированная, не индивидуализированная масса [17].

Демонизация относится не только к синдрому «желтой опасности». При сопоставлении всех «великих ксенофобий» XX в. бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельности опасности от того или иного «чужого». Угроза с их стороны воспринимается не как что-то рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и/или объяснению, по крайней мере описанию, а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобщее-вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей. Рок.

«Чужой», представляющий опасность, предстает не в облике конкретного «противника», имеющего совершенно реальные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную. Он становится персонификацией «абсолютного зла», воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости, аналогом Дьявола. С ним невозможно договориться, торговаться, достичь компромисса. Его логику невозможно понять. Конфликт с ним – это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон. А неконкретность, невидимость «врага» делает сомнительным возможность победы над ним. Запредельность и смертельность угрозы вытекает из того, что ее носитель – человек принципиально иного мира, и в этом смысле – скорее не человек, а мыслящее и разумное существо. Расовый подход подразумевал настолько принципиально качественные отличия, что практически

выводил представителей других рас из категории людей с их моралью и системами ценностей. Поэтому «желтые», «муравьи», даже «макаки», предстают как враг с нечеловеческой, *инопланетянской* логикой и мотивацией действий.

Заключение

В этом тексте очень много цитат, иногда огромных. Поэтому в каком-то смысле он приобретает характер коллажа. Это вполне законный жанр – и чтобы выдержать его до конца, приведу в заключение еще две большие цитаты. Они отражают крайние, радикально противоположные отношения к проблеме.

Анонимный автор «Сибирского сборника» решительно выступает против взгляда, по которому «китайское население края оказывалось какой-то общео многотысячною шайкою разбойников, хищников, разоряющих естественные богатства края и вносящих своей распущенностью, опиокурением, азартными играми и прочим – полную деморализацию в среду русского элемента. За манзами не оставлялось ни одной светлой черты; в жизнь края они вносили только одно зло – и нравственное, и экономическое, и политическое, плодили бесправие – словом, являлись таким отбросом, против которого нужны были самые строгие меры, и чем скорее избавился бы край от такого элемента, тем было бы лучше».

Он прямо пишет о мотивах подобного отношения: «в силу исконной враждебности сибирского населения к инородцам и традиционной привычке считать их ниже себя, не допускать до себя, а ставить лишь объектом всевозможной эксплуатации, русское население, не имевшее в своем характере ни в образе жизни и культуре ничего общего с китайцами, смотрит на манз,

по простонародному выражению, как на тварь, не имеющую даже души и стоящую отчасти даже вне закона. Различия столь несхожих гражданских традиций, религий, цивилизаций и характеров, как русский и китайский, всюду, во всех странах сопровождалась самыми резкими осложнениями и всюду с ними приходилось считаться очень сильно». И вывод: «нужно [...] снять с китайцев излишние нарекания и показать, что они также люди и имеют такое же право, как и все, на покровительство законов, что они постольку же равноправны, поскольку то допущено основными законами, а не произволом массы; короче, нужно было вывести манзу из ложного положения как ради него самого, так и ради правильного течения жизни в русской дальневосточной колонии» [19].

Однако господствовала иная позиция, сформулированная в брошюре П. Ухтубужского: «Известно, что желтые народы питают органическую ненависть к европейцам, а к нам, русским в особенности [...] Они мечтают [...] о завоевании всего мира [...] Нашествие желтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, “мирное”, экономическое нашествие, но и при этом мирном нашествии русские вытесняются желтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т. д.». «Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет Православия с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим «князя мира сего» [53, с. 64, 65, 75, 85].

Анализ ксенофобских комплексов, особенно если это не подразумевает со-

циологическую оценку масштабов их распространения и глубины воздействия, череват опасностью абсолютизации их роли и значения в интеллектуальной, идеологической и политической жизни общества. В принципе, это предмет специального анализа. Тем не менее уже из материалов этого текста видно, что отношение к синдрому «желтой опасности» в позднеимперской России было сложным и неоднозначным. Были и его решительные противники, и яростные сторонники. Причем и те и другие часто исходили из разных, иногда взаимоисключающих, посылок. Было много тех, кто отвергал основные положения синдрома или стремился понять, насколько миграционная и геополитическая ситуация России, связанная с соседством с дальневосточными странами и народами, несет в себе риски и угрозы для страны. Однако использование ими терминологии и образов, дискурса синдрома «желтой опасности» только вело к его усилению, укрепляло его легитимность. И экзотизация представителей дальневосточных народов вносила свой немалый вклад в этот процесс.

Литература

1. *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества. Т. X. – Вып. 1. – Хабаровск, 1914.
2. *Верезжиков А.* Китайская толпа // Современник. – 1911. – Кн. 3–4. – С. 124–130.
3. *Верещагин А.В.* По Манчжурии. 1900–1901 гг. Воспоминания и рассказы // Вестник Европы. – 1902. – № 1. – С. 116–118.
4. *Вильгельм П.* Мемуары. События и люди. 1878–1918. – М., Пг., 1923. – С. 38–39.
5. *Герцен А.И.* Былое и думы // Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. Т. 6. – М.: ГИХЛ, 1967.
6. *Гондатти Н.А.* Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры // Источник. – 1997. – № 1. – С. 69–71.
7. *Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – 489 с.
8. *Гудков А.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции // Образ врага. – М.: ОГИ, 2005. – С. 17, 19.
9. *Духовской С.М.* Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского: 1893, 1894 и 1895 гг. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1895.
10. *Дятлов В.П.* «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие // Идеи и идеалы, 2010. – № 2(4). – Т. 1. – С. 51–63.
11. *Дятлов В.П.* Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 95–117.
12. *Дятлов В.П.* Благовещенская «Утопия»: историческая память и историческая ответственность // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 146–175.
13. *Ивасита Акихиро.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница: пер с яп. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006.
14. Китай и китайцы // Москвитянин. – 1852. – № 24. Отд. 7.
15. *Клемениц Д.* Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. – 1905. – № 7. – С. 36–56.
16. *Камов А.* О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. – 1909. – № 27. – С. 18–27.
17. *Кошелев А.* Реванш «желтый» // Алфавит. – 2000. – 30 авг. № 35(93).
18. *Куропаткин А.Н.* Россия для русских. Задачи русской армии. Т. 1–3. – Т. III. Задачи России и русской армии в XX столетии. – СПб.: Изд-во В.А. Березовский, 1910. – 440 с.

19. *А.-н.* Капитуляция русского труда и капитала в Приамурье (к желтому вопросу) // Сибирский сборник за 1904 год. (Приложение к газете «Восточное обозрение»). – Иркутск, 1904. – С. 78.
20. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – С. 49–74.
21. *Малявин В.В.* Шиннузури, или грезы о Китае // Книга путешествий. – М., 2000. – 399 с.
22. *Малявин В.В.* Восток, Запад и Россия. Избранные статьи. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2005. – 320 с.
23. *Матвеев Н.* Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. – 1911. – № 12. – С. 28–43.
24. *Мацюкин П.* Несколько слов к статье Л. Богословского «Крепость-город Владивосток и китайцы» // Вестник Азии. – 1913. – № 15. – С. 18–19.
25. *Менгден О.Ф.* Желтая опасность или эмиграция китайцев и влияние, оказываемое ею на белую и желтую расу: пер. с нем. – СПб.: Изд-во В. Березовского, 1906. – 68 с.
26. *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. – 328 с.
27. *Мещеряков А.Н.* Статья японцем. – М.: Эксмо, 2012. – 431 с.
28. *Мозильнер М.* Ното impregii: история фи-зической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 255 с.
29. *Молодяков В.* «В лимонной гавани Йокогама». «Живописная Япония» в русской поэзии Серебряного века // Родина. – 2005. – № 10. – С. 58–60.
30. *Нансен Ф.* В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. – Петроград: Издание К.И. Ксидо, 1915. – 454 с.
31. *Панов А.* Желтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации. – 1910. – № 7. – С. 53–116.
32. *Панов А.* Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. – 1912. – № 11. – С. 241–282.
33. *Панов А.* Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым засильем» в Приамурье // Вопросы колонизации. – 1912. – № 11. – С. 171–184.
34. *Панов А.* Желтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 года // Вопросы колонизации. – 1916. – № 19. – С. 140–171.
35. *Переписка* Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. Пг. – М.: Госиздат, 1923. – 202 с.
36. *Позднеев А.М.* Об отношении европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте С-Петербургского университета 8 февраля 1887 года ординар-профессором А.М. Позднеевым. – СПб., 1887. – 26 с.
37. *Пржевальский Н.* Путешествие по Уссурийскому краю. 1867–1869. – СПб., 1870. – 374 с.
38. *Пуцыкович Ф.Ф.* Китайцы. Чтение для народа. Изд. 3-е. – СПб.: П.В. Луковников, 1901. – 16 с.
39. *Ремнев А.В.* «Крест и меч». Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // Европа. Международные альманахи. – Вып. IV. – Тюмень, 2004. – С. 56–78.
40. *Сартorius фон-Вальтерсгаузен.* Вопрос о труде китайцев // История труда в связи с историей некоторых форм промышленности. – СПб., 1897. – С. 250–270.
41. *Словарь иностранных слов / 18-е изд., стер.* – М.: Русский язык, 1989. – 624 с.
42. *Словарь русского языка в 4 томах / Изд. третье, стереотипное. Т. 4.* – М.: Русский язык, 1988.
43. *Сорокина Т.* «Благовещенская паника» 1900 года: версия власти // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Отгиск, 2012. – С. 118–145.
44. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в двух томах / Второе издание. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 635–762.

45. Соловьев Вл. Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 233.
46. Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. – СПб.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1891.
47. Суботич Д.И. Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д.И. Суботича к Военному министру А.Н. Куропаткину в 1903 году. – Ревель, 1908. – 53 с.
48. Тавокин С.Н. К вопросу о «желтой опасности» / С.Н. Тавокин. – Киев: Восточная библиотека, 1913.
49. Тимофеев П. Порто-франко на Дальнем Востоке и русский космополитизм. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1908. – 39 с.
50. Толъц В. Дискурсы о расе: имперская Россия и Запад в сравнении // «Понятие о России» к исторической семантике имперского периода. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – Т. II. – С. 145–193.
51. Уиттербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. – СПб., 1900. – 324 с.
52. Уиттербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. – СПб., 1912. – 428 с.
53. Ухтубунский П. Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. – СПб.: Издание Русского народного союза Михаила Архангела, 1913.
54. Уэллс Г. Война миров // Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 2. – М.: Библиотека журнала «Огонек», Правда, 1964. – С. 5–160.
55. Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – С. 40–101.
56. Хисамутдинов А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. – М.: Наука, 2005. – 233 с.
57. Холл К. «Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма: неуловимое понятие расы в Российской империи // «Понятие о России» к исторической семантике имперского периода. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – Т. II. – С. 195–258.
58. Шимацу Наоко. «Возлюбил врага своего» // Родина. – 2005. – № 10. – С. 69–71.
59. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1897. – 469 с.
60. Blue Gregory. Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity // Journal of World History. – 1999. – Vol. 10. – № 1. – P. 93–139.
61. Huggan, Graham. The postcolonial exotic: marketing the margins. London: Routledge, 2001.
62. Western Visions: Fu Manchu and the Yellow Peril // The Illuminated Lantern. Revealing the Heart of Asian Cinema. 2000, Vol. 1. Oct.-Nov. Issue 5: URL: <http://www.illuminatedlantern.com/fumanchu/index.html>